М. Ю. Пупынина, Ю. Б. Коряков

ГЕОГРАФИЯ МНОГОЯЗЫЧИЯ НАРОДОВ КОЛЫМСКО-АЛАЗЕЙСКОЙ ТУНДРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

Эта работа открывает цикл статей, посвященных возникновению и развитию многоязычия народов Колымско-Алазейской тундры, региона, где пересекаются территории расселения юкагиров, эвенов, чукчей, якутов и русских. В каждой статье цикла отправной точкой рассмотрения будет один из перечисленных народов. Отправная точка данного исследования – чукчи, их появление на указанной территории, их контакты с соседями, языки, на которых они говорили. По источникам (работам этнографов, путешественников, миссионеров) прослежены места кочевек чукчей в конце XIX – начале XX в. на указанной территории. В результате с большой степенью подробности была картографирована территория расселения чукчей по Колымско-Алазейской тундре (чего ранее не предпринималось). Кроме того, были установлены места контактов чукчей с соседними народами и, если это возможно, языки, используемые в них. Одним из важных мест контактов были ярмарки, которые были нанесены на карту с максимальной полнотой. В результате анализа имеющихся данных было выяснено, что на крайнем западе занимаемой ими территории чукчи были многоязычными, в то время как на востоке они сохраняли традиционное одноязычие и часто не владели даже русским языком, для общения с русскоязычным населением используя чукотско-русский жаргон. Развитию многоязычия в западной части региона, видимо, способствовало большее количество межэтнических браков и стремление многих эвенов и юкагиров кочевать вместе с чукчами, будучи так называемыми приживальщиками. Сохранению же одноязычия на востоке способствовали контакты с чукчами «Чукотской земли», практически моноэтнической территорией. Из-за скудости источников, остается не вполне ясной ситуация на части промежуточных земель, где предположительно складывалась переходная ситуация между крайне западными и крайне восточными землями рассматриваемого региона.

Ключевые слова: *многоязычие, чукотский язык, историческая социолингвистика, языковые карты, Колымско-Алазейская тундра.*

Часть I. Чукотский язык. Чукчи и их контакты с соседями

Введение

Тундры, окружающие бассейны рек Алазея и Колыма в их нижнем и среднем течении, в XIX в. были заселены кочевыми племенами «инородцев» (так называли коренных жителей востока России русские первопроходцы): здесь кочевали эвены² и юкагиры, на лето оленей из южных, лесистых мест пригоняли чукчи. По берегам рек и озер жили «новопоселенцы» – русские и якуты. Источники – отчеты о путешествиях в эти края, работы этнографов, зафиксированные биографические рассказы самих «инородцев» – пестрят ситуациями, в которых неизбежными были языковые контакты между этими народностями. Многие авторы прямо отмечают многоязычие, особенно среди юкагиров и эвенов, но также и среди русских. Так, В. И. Иохельсон, работавший у юкагиров в 1895–1896 и 1901–1902 гг., пишет про тундренных юкагиров: «Юкагиры и тунгусы тундры являются подлинными полиглотами. Они понимают юкагирский, тунгусский, якутский и чукотский языки» (Иохельсон, 2005/1926: 91).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 17-18-01649 «Динамика языковых контактов в циркумполярном регионе».

² В литературе, использованной в статье, эвены по распространенной в XIX в. традиции называются ламутами или тунгусами.

А. А. Поляков, работавший ветеринарным врачом на Колыме в 1930-х гг., пишет: «Сын местного казака... кроме русского, хорошо владел якутским языком, прилично – языком эвенов, знал обычаи и быт чукчей» (Поляков, 1983: 37). Многоязычие было зафиксировано даже в конце 80-х гг. XX в. комплексной экспедицией под руководством Н. Б. Вахтина: в поселке Колымское Нижнеколымского района Якутии было отмечено, например, семь юкагиров, чей языковой инвентарь включал юкагирский, эвенский, якутский, русский и чукотский языки (Вахтин, 2001: 145–146). По эвенам такой детализации нет, однако указано, что возрастная группа эвенов свыше 60 лет на момент исследования «устойчиво знает эвенский, русский и юкагирский. Знание чукотского и якутского языков – “биографическое”, то есть зависит от конкретных обстоятельств жизни того или иного человека» (Вахтин, 2001: 154). И даже в XXI в. в ходе полевой работы по сбору чукотского материала в посёлках Черский и Колымское нам удалось встретить как минимум трёх человек, владеющих (в различной степени, в т.ч. пассивно) указанными пятью языками. Люди, владеющие чукотским, юкагирским или эвенским, в 2013–2018 гг. сообщали о том, что их родители владели тремя, четырьмя, а некоторые – перечисленными в (Вахтин, 2001) пятью языками.

Эта работа открывает цикл статей, посвященных многоязычию Колымско-Алазейской тундры. В каждой статье цикла отправной точкой рассмотрения будет определенный народ – чукчи, юкагиры, эвены, русские, якуты. Этот цикл – попытка показать историю возникновения многоязычия, включающего различные наборы из пяти языков, «в лицах»: основной задачей работы был поиск упоминаний о конкретных встречах представителей разных народов во второй половине XIX – начале XX в. Источниками данных послужили публикации этнографов-полевиков (прежде всего, В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза), большая работа о путешествии по округу колымского исправника барона Г. Майделя, отчеты миссионеров. В данной статье речь пойдет о чукчах и языках, на которых они говорили.

Первый раздел статьи, преимущественно географический, начинается с обоснования выделения границ рассматриваемого региона. Далее очерчивается территория распространения народа внутри исследуемого региона. Сведения для этой части берутся из работ очевидцев (этнографов, путешественников, миссионеров и т.п.), причем используются такие работы, где указываются конкретные географические данные (названия рек, озер, населенных пунктов). Во втором разделе работы перечислены упоминания о контактах рассматриваемого народа с остальными народами региона и, когда это возможно, о языках, используемых при этих контактах. Некоторое место уделено типу хозяйствования и экономическому положению рассматриваемых народов, т.к. образ жизни и уровень благосостояния определял регулярность и необходимость их взаимодействия с соседями.

1. Исследуемая территория

Колымско-Алазейская тундра включает пространство между реками Алазея и Колыма в их нижнем течении, а также земли, прилегающие к правым и левым их притокам (см. рис. 1). Правые притоки Индигирки, впадающей в Восточно-Сибирское море к западу от Алазеи, также относятся к рассматриваемой зоне, так что условной ее границей на западе можно считать Индигирку в ее нижнем течении. На востоке за Колымой крупных рек нет, поэтому будем считать, что граница интересующего нас региона проходит примерно по р. Большой Кепервеем, впадающей в Малый Анюй, и р. Раучуа (ранее Большая Бараниха), впадающей в Берингово море. В литературе ((Майдель, 1894; Иохельсон, 1898; Патканов, 1906 и др.) область между устьями Колымы и Индигирки называется чаще всего Большой западной тундрой; Таким образом, область Колымско-Алазейской тундры, в целом, совпадает с границами Большой западной тундры, но последняя, в отличие от первой, не включает пространства правых притоков Колымы. На юге район Колымско-Алазейской тундры естественно ограничен началом

лесной зоны (68–69° с.ш.). Выделение границ изучаемой зоны с опорой на речные системы представляется в данном случае оправданным: народы, вступающие в языковые контакты, были в достаточно большой степени «привязаны» к богатым рыбой рекам бассейна Восточно-Сибирского моря. В особенности это касается русских (В. Г. Богораз так и именует ниже- и среднеколымских русских: «русские поречане») и юкагиров, для которых рыбная ловля наряду с охотой и (для тундренных юкагиров) с оленеводством была одним из основных средств добывания пропитания. Якуты юга Колымско-Алазейской тундры также освоили рыбную ловлю и даже приспособили к ней свои сезонные перемещения (с южных пастбищ на летние). Эвены и чукчи также промыслили рыбу, хотя и в гораздо меньшем объеме.

Основная часть этой территории входила в конце XIX в. в состав Колымского округа Якутской области. Низовья Индигирки и самое устье Алазеи входили в состав Верхоянского округа. Сейчас тундры вокруг устья Алазеи, низины левобережья Колымы и узкая полоса правого берега Колымы входят в состав Нижнеколымского района Якутии.

Рис. 1

2. Распространение чукчей по Колымско-Алазейской тундре в XIX – начале XX в.

История заселения региона

Чукчи, в отличие от других оленеводов-кочевников северо-востока Азии, крупнотабунные оленеводы. По данным колымского исправника Г. Майделя, обычный размер стад чукчей междуречья Большого и Малого Анюев – 2–8 тысяч голов, при этом в конце 1870-х гг. у чукотского «князца»³ стадо насчитывало 40 тысяч животных (Майдель, 1894: 97). Такие размеры стад обуславливают необходимость поиска пастбищ, соответствующих их нуждам.

Зимой основная задача чукотских оленеводов – обеспечить огромные стада пастбищами, богатыми ягелем. Слой снега на таких местах должен быть небольшим, чтобы животным было легко откопать корм. Желательно также, чтобы зимние кочевья располагались недалеко от лесной полосы – источника топлива. Летом же необходимы прохладные, хорошо продуваемые пастбища с большим запасом пресной воды. Учитывая эти условия, идеальной является зимовка на границе лесной полосы и тундры, откуда просто перейти на лето к океану, где летом не жарко и ветрено, следовательно, не распространяются инфекционные болезни оленей и мало гнуса и оводов. При этом расстояние между берегом моря и лесной зоной должно быть не очень большим, доступным для перехода человека со стадами. Это возможно не на всех побережьях морей северо-востока Азии, где граница леса то отступает, то приближается к морю. Чуть менее удачный вариант летних пастбищ – горные тундры. Такие места встречаются чаще; туда проще и ближе перемещаться из низины, лесной зоны зимних кочевков. Однако горная тундра не всегда спасает большие стада от гнуса и болезней.

Колымско-Алазейская тундра, в целом, отвечает требованиям первого типа пастбищ: лесная зона начинается между 68–69° с.ш. на правом берегу Колымы и продолжается на запад до горной страны к востоку от Индигирки (Кряж Улахан-Сис и Кондаковское плоскогорье).

В конце XVIII в. чукчи были расселены на территории, которая в документах тех времен фигурировала под названием «Чукотская земля» (Богораз, 2011: 5). Это крайний северо-восток Азии, ограниченный реками Чаун и Анадырь.

Большие стада чукчей появились в верховьях правых притоков Колымы, по-видимому, только в начале XIX в. Однако уже зимой 1868–1869 гг. колымский исправник Г. Майдель вел в Среднеколымске переговоры с *Ваалергином*, представителем группы чукчей, которые «перешли со своими семьями и всеми пожитками Колыму» (Майдель, 1894: 108). *Ваалергин* от лица этой группы пост-фактум просил у исправника разрешение на этот переход, т.к. считал эти земли подвластными русской администрации. Переговоры на этот счет Майдель вел с чукотским «князем» *Амвраоргиным* еще с 1866 г. и всячески приветствовал это переселение, считая, что таким образом привлечет больше чукчей в прямое подчинение российской администрации и к уплате ясака, который те до сих пор не платили, см. (Майдель, 1894: 112). По данным Майделя, к 1869 г. Колыму перешли уже 143 чукчи в 20 «палатках» (так Майдель называл чукотскую ярангу). Богораз без ссылок на источники утверждает, что переселение чукотских семей за Колыму произошло примерно десятью годами ранее, в конце 1850-х гг. (Богораз, 1934: 59).

³ Администрация Российской империи предпочитала иметь дело с «князцами» инородцев, которые при архаичном устройстве социальной организации, как правило, отсутствовали. Институт «власти» насаждался искусственно; в случае с чукчами правобережья Колымы в ее среднем и нижнем течении эта политика привела к концу XIX в., наконец, к некоторым результатам: по крайней мере, по версии Майделя, чукотский «князец» Амвраоргин обладал среди своих соплеменников достаточным влиянием.

Чукчи Большой западной тундры

В 1897 г. В. И. Иохельсон, проехавший всю Большую западную тундру с востока на запад, встретил 30 чукотских «лагерей» с очень многочисленными стадами. Видимо, до этого чукотское население региона было еще более многочисленным, т.к. Иохельсон отмечает, что «оспа 1884 г. скосила около половины чукок западной тундры». Эти стойбища располагались, главным образом, «на морском берегу в устьях всех рек от Колымы до Шадрона⁴» (Иохельсон, 1900: 187).

Сведения Богораза о кочевках чукчей по Большой Западной тундре доставлены ему Иохельсоном. Он пишет, что чукчи кочуют «между Походским рукавом Колымского устья и р. Алазеей, у озера Нерпичего и по рекам Убиенной, Походской, Коньковой, Большой Чукочьей, Большой Куропаточьей и Новой реке» (Богораз, 1899: 6). Из публикаций Богораза не ясно, летом или осенью находятся в указанных местах стойбища чукчей, поэтому южную границу их расселения западнее Колымы точно прочертить невозможно. Иохельсон посетил стойбища чукчей западнее Колымы в середине февраля–апреле 1897 г., т.е. тогда, когда чукчи уже начали двигаться к летним пастбищам. Три стойбища он застал на среднем течении Алазеи, и девять – на реке Иэрчену (ныне Большая Эрча), одном из правых притоков Индигирки.

В 1910–1912 гг. многие чукотские лагеря посетил миссионер Леонид Синявин. В первую свою поездку летом 1910 г. в селе Походском (Походске), русском поселении в устье Колымы, он узнал подробности о сезонных кочевках чукчей по Большой западной тундре. Полученные им сведения удивительны тем, что в них отрицаются летние кочевки вблизи океана: «Чукчи западной тундры (шапкохолмские) никогда не летуют по берегу океана и находятся в глубине тундры», летом они кочуют между рр. Коньковой и Большой Чукочьей и за Чукочьей, а «зимой главная масса кочует вдоль Колымской эдомы на запад» (Синявин, 1913а: 197).

В 1911 г. Синявин намеревался посетить стойбища чукчей из местечка Дулба, однако приехал туда в апреле, когда чукчи, по его сообщению, уже укочевали. Дулба располагается на границе тундры и леса, там находятся самые северные якутские поселения (Синявин, 1911: 502–503).

Зимой 1911–12 гг. Синявин побывал на чукотских стойбищах на реке Чукочьей, Алазее, Сондоне (ныне, видимо, Сундрун).

Значительную информацию о численности и местах кочёвок западных приводит Патканов (Патканов, 1912: 796–813) на основе данных переписи 1897 г. По его данным, чукотские стойбища располагались от 30 до 480 км на запад от Колымы, достигая западных притоков Алазеи и бассейна р. Иерчен (совр. Б. Эрча). Всего в Западной тундре по данным 1897 г. кочевало 373 чукчи, с ними в том числе 24 эвенки (взяты в жены) и одна русскоговорящая юкагирка. Во многих местах параллельно с чукчами отмечены стойбища т.н. ламуто-юкагиров (юкагиризованных тунгусов, см. ниже).

Чукчи восточных притоков Колымы

Майдель сообщает, что зимой чукчи в основном кочуют между Большим и Малым Анюями. Так, один раз Майдель ночевал в стойбище, находящемся на р. Эломбал (правый приток Малого Анюя), а встреченные им чукчи сказали ему, что еще одно стойбище находится в верховьях р. Орловка, левого притока Большого Анюя (Майдель, 1894: 120–121).

В 1895–1897 гг. В. Г. Богораз посетил стойбища чукчей, кочующих между Малым Анюем и берегом моря. Некоторые чукчи, зимующие южнее Малого Анюя, лето проводят не на море, а на горных наледях по истокам рек Погинден (ныне Погынден) и Большая Бараниха (Богораз, 1899: 8). В летнее время Богораз совершал выезды или пешие переходы из урочища

⁴ Ныне р. Шандрин, впадающая в Восточно-Сибирское море чуть восточнее Индигирки.

Сухарного в многочисленные чукотские лагеря (Богораз, 1899: 8). Через то же урочище попал к чукчам летом 1910 г. миссионер Синявин.

Весной 1896 г. Богораз пересек вместе с чукчами Колыму в районе устья р. Омолон (Богораз, 1899: 2). Зимние пастбища этой группы располагались на правом берегу Колымы, а летние – на левом. Зимовка на восточном берегу в области границы леса и летовка на западном, по-видимому, была распространена⁵; косвенно об этом говорят и данные Синявина. Летом 1910 г. он побывал в урочище Суханово (215 верст выше по Колыме от Нижнеколымска), собирая информацию про сезонные кочевки чукчей. Там он получил сведения о том, что чукчи зимуют вблизи заимки Корлуково и проходят осенью рядом с заимкой Колымской около устья Омолона (видимо, пересекая Колыму с запада на восток), а некоторые группы проводят зиму неподалеку от этой заимки (Синявин, 1913а: 62).

К колымским чукчам Богораз относит также так называемых «тойоновских чукчей», кочевавших в верховьях р. Омолон и его притоков. Пастбища этой группы не относятся к Колымско-Алазейской тундре, но контакты между чукчами, кочевавшими к востоку от устья Колымы, и верхне-омолонскими чукчами были очень интенсивными. Зимние стойбища последних располагались, по сведениям Богораза, на реках Молонда (ныне Молонгда), Уяган (Уляган), Кегали, Отворотная (?) и Олой. «Тойоновские чукчи» не выходили к морю на летние пастбища; они использовали для летовок горные тундры Пенжинского и других хребтов. Богораз пишет, что они «экономически тяготели» к Гижигинску (крепость, основанная русскими на реке Гижиге, впадающей в Охотское море) (Богораз, 1899: 6) и частично к Среднеколымску (Богораз, 1934/2011: 10).

3. Места контактов чукчей с соседними племенами и языки, используемые во время контактов

Торговые точки

Специально для обмена с чукчами российская администрация учредила Анюйскую ярмарку (с 1794 на Большом Анюе, а с 1848 г. на Малом), куда съезжались, помимо чукчей и русских, также эвены, юкагиры и якуты. Из чукчей на ярмарку прибывали, помимо «обычных» оленеводов, так называемые «кавралины» – чукчи-торговцы, осуществлявшие также обмен с эскимосами Аляски и береговыми чукчами. Таким образом, эта ярмарка, во-первых, поддерживала единство чукотского ареала от Колымы до Берингова пролива (см. Вахтин и др., 2004: 33), а, во-вторых, находясь на периферии чукотской территории, служила местом контактов чукчей с соседними племенами.

Помимо ежегодной ярмарки, чукчи приезжали для обмена и торго в Нижнеколымск и, реже, в Среднеколымск, причем заезды в последний, по-видимому, стали обычным явлением только к концу XIX века (Богораз, 1899: 51). Некоторые предприимчивые русские из Походска и Нижнеколымска также выезжали в чукотские стойбища для торго (Богораз, 1899: 71).

Чукчи, по-видимому, занимались не только обменом, но и благотворительностью, совершаемой, однако, в угоду русской администрации. «Чукчи...являются господами положения, а в годы скудных промыслов прямо спасителями местного русского населения от голода, за которыми местные власти должны ухаживать, чтобы побудить их к даровому или даже продаж-

⁵ Об этом можно судить и по современным данным: зимние пастбища многих стад, принадлежащих оленеводческой общине «Турваургин», и теперь находятся на правом берегу Колымы, а летние – на левом. Современные оленеводы вспоминают по рассказам родителей, что у каждого богатого оленевода были «свои» места для перехода Колымы.

ному снабжению приречных жителей мясом и т.п.» (Богораз, 1899: 48–49). По словам Майделя, чукчи помогали оседлому русскому населению щедро и часто, на что русские поречане отвечали «чукчефобией». Это крайне удивляло колымского исправника: «на мои частые вопросы, отчего они так боятся людей, от которых получали... столько благодеяний, я получал всегда... только один ответ: да, такой-то и такой-то из названных чукчей действительно хороший человек, да и вообще ближайšie к Колыме чукчи добродушны; но тех, которые живут подальше, нужно считать за опасный народ» (Майдель, 1894: 116). Между тем, положение русских поречан в голодные годы было весьма бедственным. Так, анонимный автор в одной из заметок в разделе «Корреспонденция» пишет о голоде в Среднеколымске и о том, с каким нетерпением русские колымчане ждут чукчей:

«Колыма стала поздно, и рыба вся прошла, между тем, чукчи не явились – и вот 2/3 жителей кое-как перебивались, пока не съели всего, что купили или что можно было достать у якутов, которые также были небогаты запасами. Собаки начинаютдохнуть от бескормицы, и колымчанам грозит опасность остаться без дров. Все живут надеждами, что завтра ... придут чукчи, но день за днем уходят, а их все нет и нет... Город не весел, не видно пьяниц, не раздаются песни, только одни голодные собаки печально бродят по городу, согнувшись в три погибели, страшно, не воют даже» (Сиб. газета, 1883: 624).

Для общения между русскими и чукчами в торговых точках использовался усвоенный русскими так называемый чукотско-русский «жаргон». Богораз пишет о нем так: «Между русскими поречанами довольно много людей, более или менее знакомых с чукотским языком, но их познания не идут далее области несложных торговых отношений... Для большей простоты эти разговоры ведутся на особом чукотско-русском жаргоне, упрощающем в искаженной форме сложные правила чукотской фонетики и синтаксиса, а также вводящем в обращение некоторое количество русских и других слов чужого происхождения» (Богораз, 1899: 9). Поначалу Богораз, не найдя ни одного чукчи, владеющего русским, вынужденно воспользовался услугами русских, владеющих этим жаргоном. Овладев им в некоторой степени, он смог общаться с чукчами, некоторые из которых также были знакомы с этим смешанным «языком». Так, первый чукотский помощник Богораза объяснялся с ним сначала на чукотско-русском жаргоне, и только потом, уяснив желание Богораза выучить язык, стал пользоваться «настоящим» чукотским языком (Богораз, 1899: 10). В (Поляков, 1983: 37, 60, 67) упоминается владеющий чукотским (вероятно, его жаргонным вариантом) казак родом из Среднеколымска, Пётр Николаевич Березкин, переводчик при ветеринаре Полякове, объездившим в 30-х гг. XX в. правые притоки нижнего течения Колымы. По-видимому, жаргоном владели прежде всего те, кто занимался обменом с чукчами, однако глубоко в среду русских чукотский не проникал.

Эти сведения относятся к чукчам, обитающим (хотя бы зимнюю половину года) восточнее Колымы. Миссионер Синявин отмечает, что хоть и нечасто, но встречал западнее Колымы чукчей, хорошо владеющих русским (Синявин, 1913б: 329–343).

Чукчи имели торговые отношения не только с русскими. На левом берегу Колымы, ближе к лесной зоне, производился обмен между эвенами, юкагирами и якутами, в котором иногда принимали участие и чукчи. Так, в (Лохельсонъ, 1900: 165–166) упоминается такая «международная» ярмарка на Дулбе (вероятно, близ озера Дулба), см. ниже о посещении Дулбы миссионером Л. Синявиным.

На Большой западной тундре чукчи выступали посредниками между юкагирами и тунгусами как добытчиками пушнины, с одной стороны, и русскими промышленниками, с другой стороны, приобретая у первых песцовые шкуры для последующего сбыта на ярмарках (там же). О языке общения между чукчами и другими инородцами в источниках информации нет, но многочисленные упоминания о владении эвенами и юкагирами чукотским языком свидетельствуют о том, что лингва франка, использовавшийся для общения между этими тремя народами, был именно чукотский.

Остается загадкой, каким языком пользовались при встречах на ярмарках якуты и чукчи. Сообщений о владении якутами чукотским языком практически нет, за исключением данных Синявина (см. ниже). Видимо, их встречи были редкими, а при необходимости общение происходило с использованием языка жестов или при помощи переводчика.

«Оседание» чукчей в русских поселениях

В середине XIX в. оседлых чукчей в Нижнеколымске не было. Так, находясь в Нижнеколымске, Майдель не смог найти человека, хорошо владеющего чукотским языком, или даже кого-нибудь, кто мог бы подсказать местонахождение нужных ему чукотских стойбищ. В поездке к стойбищам притоков Большого и Малого Анюев ему пришлось довольствоваться услугами казака, владеющего, по-видимому, лишь чукотско-русским жаргоном. В то время «штатный» переводчик с русского на чукотский отсутствовал; важно отметить, что этот переводчик был юкагиром по происхождению (Майдель, 1894: 117, 126).

В «Статистических сведениях о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске» на 1855 г. и «Статистических сведениях о Нижнеколымске» на 1850 г. есть данные о русских, якутах, юкагирах, ламутах/тунгусах (эвенах) и даже о коряках (?), однако в списке нет ни одного чукчи (Аргентов, 1857: 19–21).

К концу XIX в. чукчи все-таки начали понемногу оседать в русских поселениях. В биографических рассказах, опубликованных в (Богораз, 1899), встречается два подобных примера. В одном случае это чукча, потерявший своих оленей; в другом – средний сын богатых оленеводов, оставшийся без отца и вынужденный наниматься к состоятельным родственникам. Оба они «осели» в Походске, причем первый из них жил оседло только, по комментарию Богораза, «в самые глухие зимние месяцы», в остальное же время промышлял то рыбу, то дикого оленя, то птичьи яйца, т.к. он «амно-таляйвы-к'лявыл-егым» (тундра-блуждать-мужчина-1sg), тундровой человек, т.е. не может на одном месте сидеть (Богораз, 1900а: 46–47). Чукчи селились у русских «казаков», которые зачастую использовали их как бесплатную рабочую силу, см. текст №10 в (Богораз, 1900а). По-видимому, даже в поселках чукчи общались с русскими на чукотско-русском жаргоне: так, Айганват, один из переселенцев в Походск и первый чукча, помогавший Богоразу в его изучении чукотского, «говорил по-русски очень плохо» (Богораз, 1899: 10).

Об отсутствии или редкости чукотско-русского двуязычия на рассматриваемый период косвенно можно судить и по достаточно небольшому количеству заимствований из русского в чукотский. В чукотский попали такие слова, как *taak* 'табак', *çakar* 'сахар' и др., но в целом явления материального быта и культуры, проникавшие через русских, чукчи, как правило, предпочитали обозначать средствами своего языка. Этот факт был отмечен Богоразом во многих работах: см., в частности, примеры из (Богораз, 1900а: 35): *ten-kojjən* 'стакан' (букв. «ледяная чашка»), *pilə-kuk* 'чайник' (букв. «котел с горлом»), *teq-erəm* 'исправник' (букв. «начальник дани») и др.

Русские «приживальщики»

Экономическое превосходство побуждало некоторые русские семьи переселяться на зиму «поближе» к чукчам, чтобы прокормиться за мелкие услуги и небольшие подарки (посуда, табак, соль и т.п.). У одной такой группы, в поселении Хархабирка на Малом Анюе, побывал в 1869 г. Г. Майдель. Там проживало от 8 до 10 русских семейств с транспортом – 100 собаками (Майдель, 1894:118). Контакты между русскими и чукчами проходили, по всей видимости, с использованием чукотско-русского жаргона.

Пересечения ареалов с другими кочевниками-оленьеводами

Большая западная тундра – основной ареал кочевий оленных юкагиров и «юкагиризованных тунгусов» – эвенов, перешедших на юкагирский язык, но сохранивших основные элементы своей культуры. Всего по Большой западной тундре в рассматриваемый период кочевало четыре юкагириговорящих рода. Летом они кочевали ближе к устьям рек, но лишь немногие приближались к морю. Зимой они откочевывали на юг до 68–69° с.ш., где начиналась территория якутских наслегов (Иохельсон, 2005/1926: 92–93). Кроме того, имеются отрывочные сведения о родах омонских юкагиров, кочевавших по одноименной реке. Так, Иохельсон встретил в 1896 г. в Среднеколымске омонского юкагира. Этот юкагир был пастухом при стойбище чукотского «тойона» и, следовательно, говорил по-чукотски, но еще не вполне забыл свой родной язык (Иохельсон, 1898: 28). Омонские юкагиры не имели собственных оленей и либо жили оседло вместе с чукчами, либо кочевали с чукчами или эвенами, ср. (Иохельсон 2005/1926: 95). В юкагирском фольклоре довольно частый сюжет – состязания или борьба чукчей с юкагирами близ реки Лабунмэдэну (Большая Чукочьа), ср. вариант сказания «Эдильвей» в (Окладников, 1975: 226–230). Как уже говорилось, точные места зимних кочевий чукчей на Большой западной тундре неизвестны, однако они, вероятнее всего, пересекались с юкагирами во время весенних кочевок на среднем течении рек Коньковая, Большая Чукочьа, Большая Куропаточья, Алазея. Юкагиры нанимались к чукчам батраками и периодически впоследствии входили в их семьи. При этом они, естественно, вынуждены были говорить по-чукотски.

Эвены также кочевали по Большой западной тундре. Мы уже упоминали, что в переписи 1897 г. в этом регионе зафиксировано, помимо самостоятельных эвенских стойбищ, 24 женщины-эвенки, кочующих среди чукчей (Патканов, 1906: 62–63). Миссионер Синявин упоминает об эвенах, кочующих по Большой Чукочьей (Синявин, 1911). Он отмечает, что ламуты, кочующие к северу от местечка Дулба, знают чукотский, но не говорят по-якутски и, видимо, не владеют и русским, т.к. он, владея лишь якутским и русским языками, не смог использовать их в качестве переводчиков для поездки к чукчам (сам Синявин свободно говорил по-якутски, проповедовал по-якутски). Следует отметить, однако, что зачастую очень сложно определить, идет ли речь об эвенах или о «юкагиризованных тунгусах», т.к. известно, что в восприятии русского населения Колымы, не говоря уже о переписчиках, существовала известная путаница в идентификации этих двух народов. Такое смешение объяснимо: действительно, некоторые эвенские роды Большой западной тундры перешли на юкагирский язык, а юкагиры переняли черты материального быта и обычаи эвенов.

Интересно, что, согласно (Богораз, 1899: 67), для обозначения эвенов и юкагиров в чукотском есть общий термин – *qaaramkən*, «оленный народ». Имея в виду эвенов, употребляли термин *qoremtēqaaramkən* (букв. «оленные люди, едущие верхом»), или сокращенно *qoremtelʔət*. Другая часть *qaaramkən* – *orwəqaaramkən* («оленные люди на нартах»), или *or-wəlʔət* – «отунгушенные юкагиры» (видимо, юкагиры Большой западной тундры, которые переняли элементы быта и обычаев эвенов, см. выше). Эти термины используются и сейчас.

Во время летней поездки 1910 г. миссионер Синявин выяснил, что эвены зимуют рядом с чукчами у заимки Корлуково, а мимо Колымской эвены, как и чукчи, кочуют осенью (Синявин, 1913, № 14: 56–62). Близ урочища Сухарного Синявин встретил, помимо чукотских, несколько эвенских стойбищ. Некоторые эвены знали чукотский и якутский, использовались им в качестве переводчиков (Синявин, 1913, № 17: 191–194).

Территории «тойоновских чукчей», кочевавших по притокам Омолона, пересекались и иногда совпадали с ареалами кочевий омонских эвенов. Богораз в достаточно короткие сроки перекочевал от омонских чукчей к эвенам, причем он упоминает о враждебных отношениях этих народов на указанной территории (Богораз, 1899: 7). В работе, посвященной эвенам, он упоминает также группу, кочующую по р. Большой Кепервеем и восточнее, начавшую «ходить

вслед за чукчами» (Богораз, 1900б: 60). По-видимому, многие эвены, жившие к востоку от Колымы, владели чукотским языком. Именно эвены, владеющие чукотским «с полной беглостью» (Богораз, 1899: 9), были основными помощниками Богораз в его овладении чукотским языком (после того, как он овладел чукотско-русским жаргоном). Их помощь оказалась для него неоценимой, т.к. они, в отличие от чукчей, владели при этом еще и русским языком. Анисим Поляков постоянно упоминает о гостевых визитах чукчей и эвенов долины Омолона и его притоков друг к другу, ср., например, (Поляков, 1983: 94–95). Во время путешествия он встречается нескольких эвенов-батраков чукчей. К сожалению, не упомянуто, какими именно языками пользовались эвены и чукчи при встречах, однако, скорее всего, это был чукотский. Интересно, что сейчас пожилые чукчи села Аянка Камчатского края, потомки тойоновских чукчей, владеют, помимо чукотского, и эвенским языком (этот факт был зафиксирован нами в Аянке в 2017 г.).

Рис. 2

Пересечения ареалов кочевий чукчей с территорией якутских наслегов

Практически нет информации о том, пересекались ли чукчи с якутами во время зимних кочевых на границе леса. Единственные косвенные сведения на этот счет имеются в отчете

Леонида Синявина о его пребывании на Дулбе (см. выше). Постоянными жителями местечка были якуты. На Дулбе он выяснил, что чукчи уже уководили, и тогда попытался найти чукотских переводчиков и транспорт. Выяснилось, что из местного населения только два якута (один из которых в то время отсутствовал) говорят по-чукотски (Синявин, 1911: 502–503).

Во время своего пребывания у якутов в урочище близ озера Сенкель (Сян-Кюель) Иохельсон услышал историю о том, как одна местная якутская девушка была продана чукче за 30 оленей, однако не выдержала чукотской жизни и была отправлена назад к якутам (Иохельсон, 1900: 192). Очевидно, якуты этого урочища также имели контакты с чукчами.

Западная группа чукчей и их юкагино-эвенские приживальщики

Совершенно особую группу, от которой ныне, видимо, не осталось и следа, представляют собой чукчи, жившие на западной границе колымско-алазейской тундры. Сообщения о них имеются только в (Иохельсон, 1899; Патканов, 1912). Иохельсон прожил у этих чукчей некоторое время и описывает их как очень богатых оленеводов (со стадами 3–5 тыс. оленей), постоянно окруженных юкагирскими и ламутскими приживальщиками. Эвены и юкагиры готовы были преодолеть неприступные горные хребты (вероятно, кряж Улахан-сис), чтобы попасть к богатым оленеводам, забивающим оленя для человека, нуждающегося в пище, с «первобытной готовностью» (Иохельсон, 1900: 189). Эти чукчи охотно брали в жены юкагинок и эвенок. По данным Патканова на реке и озере Иерчен (совр. Большая Эрча) кочевало 62 чукчи, с ними 11 жён-ламуток (Патканов, 1912: 804). Но самое важное, что на период конца XIX в. у этой группы чукчей «молодое поколение говорит хорошо по-ламутски, а некоторые чукчи знают по-юкагирски и по-якутски» (Иохельсон, 1900: 192). Иохельсон сообщает также о модификации похоронного обряда и утрате обычая добровольной смерти (там же). Та же тенденция к ассимиляции характерна, по Иохельсону, и для остальных чукчей, кочевавших к западу от Большой Чукочьей. Сейчас же к западу от пос. Черский и с. Колымское носителей чукотского языка практически нет (Purupina and Koryakov, 2018). Вероятнее всего, эрчанские чукчи, отделенные от своих соплеменников, были ассимилированы своими юкагино-эвенскими «приживальщиками» или якутами. Места контактов чукчей Колымско-Алазейской тундры со всеми соседними племенами показаны на рис. 2.

Заключение

В статье было показано распространение чукчей по Колымско-Алазейской тундре и окружающим ее территориям в конце XIX – начале XX в., определены точки контактов чукчей с соседними народами и собраны упоминания о языках, использовавшихся во время этих контактов.

Чукчи, обладатели больших оленьих стад, занимали выгодное экономическое положение по сравнению с другими обитателями рассматриваемого региона. Контакты между всеми народностями региона происходили, прежде всего, в торговых местах, таких как Анюйская ярмарка, учрежденная ради обмена прежде всего с чукчами. Другими точками контактов были чукотские стойбища. Их периодически посещали русские торговцы, не желающие дожидаться ярмарочного времени, а юкагиры и эвены часто сопровождали чукотские стойбища, сбывая чукчам пушнину или нанимаясь к чукчам пастухами. Иногда юкагиры и эвены входили впоследствии в чукотские семьи. Русские поселения Колымы также служили местами концентрации коренных народов. Чукчи приезжали туда для торговли с русскими, но оседали там достаточно медленно, и в двух упомянутых Богоразом случаях выучивали для общения с русскими не русский язык, а чукотско-русский жаргон.

В целом, ситуация с многоязычием в чукотской среде существенно изменяется с запада на восток. На крайнем западе у чукчей отмечается больше межэтнических браков, другие народы тундры свободно интегрируются в чукотское общество, привнося в него элементы своей культуры и свои языки. По некоторым данным, на западе чукчи чаще владели и русским языком. Восточнее Колымы чукчи поддерживали тесные контакты с чукчами «Чукотской земли», практически моноэтнической территорией. Хотя здесь и южнее чукчи кочевали бок о бок с эвенками и постоянно посещали русские поселения, эвенско-чукотско-русское многоязычие отмечается только в эвенской среде. К сожалению, скудость информации о контактах чукчей с эвенками, юкагирами и якутами по рекам Большой Чукочей, Большой Куропаточьей и Алазеей мешает оценить возможность существования многоязычия у чукчей, обитающих по этим рекам. При этом эвенско-юкагирско-чукотское многоязычие среди юкагиров и эвенов Большой западной тундры отмечено как Иохельсоном, так и Синявиным (к этому языковому набору могли добавляться якутский и русский). Вероятно, в этом районе складывалась промежуточная ситуация между крайним западом и крайним востоком региона.

Список литературы:

- Аргентов А.** Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске // Записки Сибирского отдела ИРГО. – Кн. 3. – СПб., 1857.
- Богоразъ В. Г.** Колымскія чукчи // Извѣстія Восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. – 1899. – Т. 30. – С. 1–51.
- Богоразъ В. Г.** Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора, собранные в Колымскомъ округѣ В. Г. Богоразомъ. Часть 1-я. Образцы народной словесности чукчей. – С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1900а.
- Богоразъ В. Г.** Ламуты // Землевѣденіе. – 1900б. – Кн.1. – С. 59–72.
- Богоразъ В. Г.** Чукчи. Соціальная организація. Авториз. пер. с англ. Изд. 3. – М.: УРСС, 2011 (репринт издания 1934 года).
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцлер П.** Русские старожилы Сибири. Социальные и символические аспекты самосознания. – М.: Новое издательство, 2004.
- Иохельсонъ В. И.** Предварительный отчетъ объ исследованіи инородцевъ Колымскаго и Верхоянскаго округовъ (съ картой маршрутовъ). // Извѣстія Восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества XXIX. – 1898. – № 1. – С. 9–25.
- Иохельсонъ В. И.** Бродячіе роды тундры между рѣками Индигиркой и Колымой, ихъ этнической составъ, нарѣчіе, бытъ, брачныя и иные обычаи и взаимодѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ // Живая старина. – 1900. – Вып. I–II. – С. 151–193.
- Иохельсонъ В. И.** Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. – Новосибирск: Наука, 2005 (оригинал издан в Ученых записках Американского музея в 1926 г.).
- Майдель Г.** Путешествіе по сѣверо-восточной части Якутской области в 1868–1870 г. – С.-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1894.
- Паткановъ С.** Очеркъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири (на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ. Часть 1, тунгусы собственно. – Вып. 1. – С.-Петербургъ, 1906.
- Паткановъ С.** Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ (на основаніи данныхъ спеціальной разработки матеріала переписи 1897 г.). – Т. 3. – С.-Петербургъ, 1912.
- Поляков А. А.** По непротореннымъ тропамъ. – М.: Молодая гвардія. 1983.
- Сибирская Газета № 24 от 12 июня 1883 года.
- Синявинъ Л.** Записки Якутскаго миссіонера священника Леониды Синявина (первое путешествіе). // Православный Благовѣстникъ. – 1911. – № 11 (С. 502–505); № 12 (С. 532–453).
- Синявинъ Л.** Записки Якутскаго миссіонера священника Леониды Синявина. Второе путешествіе // Православный Благовѣстникъ. – 1913а. – № 14 (С. 56–62); № 17. (С. 191–197).
- Синявинъ Л.** Дневникъ миссіонера Сень Кельскаго стана чукотской миссіи священника Леониды Синявина // Православный Благовѣстникъ. – 1913б. – № 11–12. – С. 329–343.
- Юкагиры. Историко-этнографический очерк. Отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1975.
- Рупуніна М., Коряковъ Ю.** Linguistic geography of Chukchi habitat // Sibirica. – 2018 (in print).

Пупынина Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Тучков переулок, д. 9, Санкт-Петербург, 199053.

Институт языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: pupynina@gmail.com

Коряков Юрий Борисович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 125009.

E-mail: ybkoryakov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 7 сентября 2018 г.

M. Yu. Pupynina, Yu. B. Koryakov

GEOGRAPHY OF MULTILINGUALISM OF PEOPLES OF KOLYMA-ALAZEIA TUNDRA IN THE LATE 19TH TO THE EARLY 20TH CENTURIES

The paper opens a cycle of articles concerned to the emergence and development of multilingualism of peoples inhabited Kolyma-Alazeia tundra, the region where Yukaghir, Even, Chukchi, Yakut and Russian areas intersected. One of these peoples will be a starting point of investigation in each article of the cycle. The starting point of this paper is Chukchi, their arrival to the area mentioned, their contacts with neighbours, the languages they spoke. The pasture areas of Chukchi in the late 19th to the early 20th centuries were discovered on base of the sources (works of anthropologists, travelers, missionaries). As a result, the area in Kolyma-Alazeia tundra inhabited by Chukchi was in the first time mapped in every detail. Besides, the places where Chukchi contacted to the neighboring peoples and languages probably used there were specified. One of the important places for contacts were seasonal fairs which were mapped as full as possible. The evaluation of the data led to the conclusion that in the Western part of the area the Chukchi were multilingual despite the fact that they possessed large reindeer herds and hold higher economic position comparing to other inhabitants of the region discussed. In the same time, that in the Eastern part of the area the Chukchi kept traditional monolingualism and often did not speak even Russian, using Chukchi-Russian jargon to communicate to the Russian-speaking population. The possible reasons for emergence of multilingualism in the Western area were large amount of interethnic marriages and the fact that many Evens and Yukaghirs sought to live near or with the rich Chukchi. The eastern monolingualism was apparently supported by close contacts with Chukchi of "Chukotskaya zemlitsa" predominantly monoethnic area. The exact situation in some interjacent areas is not quite clear due to scarcity of sources.

Key words: *multilingualism, Chukchi language, historical sociolinguistics, language maps, Kolyma-Alazeia tundra.*

References:

- Argentov A.** Statističeskie svedenija o prihožanah Spasskoj cerkvi v Nižnekolymске [Statistic data about parishioners of Spasskaya church in Nizhnekolymsk] // Zapiski Sibirskogo otdela IRGO. – Kn. 3. – S.-Peterburg, 1857. (in Russian)
- Bogoraz V. G.** Kolymskija čukči [Kolyma Chukchi] // Izvestija Vostočno-sibirskago otdela Imperatorskogo russkago geografičeskago obščestva. – 1899. – Tom 30. – P. 1–51. (in Russian)
- Bogoraz V. G.** Materialy po izučeniju čukotskago jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge V.G. Bogorazom. Čast' 1-ja. Obrazcy narodnoj slovesnosti čukčej [Materials for investigation of the Chukchi language and folklore collected in Kolyma district by V.G. Bogoraz]. – S.-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1900a. (in Russian)
- Bogoraz V. G.** Lamuty [Evens] // Zemlevedenie. – 1900b. – Book 1. – P. 59–72. (in Russian)

- Bogoraz V. G.** Čukči. Social'naja organizacija [Chukchi. Social organization]. Issue 3. – M.: URSS, 2011 (reprint of 1934 edition). (in Russian)
- lohel'son V. I.** Predvaritel'nyj otčet ob issledovanii inorodcev Kolym'skago i Verhojanskago okrugov (s kartoj maršrutov) [Preliminary investigation report of aborigines of Kolym'skij and Verhnejanskij district] // Izvestija Vostočno-sibirskago otdela Imperatorskago ruskago geografičeskago obščestva XXIX. – 1898. – № 1. – P. 9–25 (in Russian)
- lohel'son V. I.** Brodjačie rody tundry meždu rekami Indigirkoi i Kolymoi, ih ètničeskij sostav, narečie, byt, bračnye i inye obyčaji i vzaimodejstvie različnyh plemennyh èlementov [Nomadic Tundra clans between Indigirka and Kolyma rivers, their ethnic composition, language, everyday life and other customs and interaction of the different clan elements] // Živaja starina. – 1900. – Vyp. I–II. – P. 151–193. (in Russian)
- lohel'son V. I.** Jukagiry i jukagirizovannye tungusy [Yukaghirs and Yukagirized Evens]. – Novosibirsk: Nauka, 2005. (in Russian)
- Majdel' G.** Putešestvie po severo-vostočnoj časti Jakutskoj oblasti v 1868–1870 g. [A travel around Northwestern part of Yakutia oblast in 1868–1870] – S.-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1894. (in Russian)
- Patkanov P.** Očerki geografii i statistiki tungusskich plemen Sibiri (na osnovanii dannyh perepisi naselenija 1897 g. i drugih istočnikov. [Essay on geography and statistics of Tungus tribes of Siberia (on base of the 1897 census and other sources)] Part 1, tungusy sobstvenno [Tunguses proper]. – Issue 1. – S.-Peterburg, 1906. (in Russian)
- Patkanov P.** Statističeskija dannija, pokazyvajušija plemennoj sostav naselenija Sibiri, jazyk i rody inorodcev (na osnovanii dannyh special'noj razrabotki materiala perepisi 1897 g.). [Statistic data showing tribal composition of Siberian population, language and clans of indigenous people (on base of the 1897 census)] – T. 3. – S.-Peterburg, 1912. (in Russian)
- Poljakov A. A.** Po neprotorennym tropam [Along the unfooted roads]. – M.: Molodaja gvardija. 1983. (in Russian)
- Sibirskaja Gazeta [Siberian Newspaper] – № 24 on June 12th, 1883. (in Russian)
- Pupynina M., Koryakov Yu.** Linguistic geography of Chukchi habitat // Sibirica. – 2018 (in print).
- Sinjavina L.** Zapiski Jakut'skago missionera svjaščennika Leonida Sinjavina (pervoe putešestvie) [Notes of Yakut missionary priest Leonid Sinyavin (the first trip)] // Pravoslavnyj Blagovestnik. – 1911. – № 11 (P. 502–505), № 12 (P. 532–453). (in Russian)
- Sinjavina L.** Zapiski Jakut'skago missionera svjaščennika Leonida Sinjavina. Vtoroe putešestvie [Notes of Yakut missionary priest Leonid Sinyavin. The second trip.] // Pravoslavnyj Blagovestnik. – 1913a, № 14. (P. 56–62); № 17. (P. 191–197). (in Russian)
- Sinjavina L.** Dnevnik missionera Sen Kel'skago stana čukotskoj missii svjaščennika Leonida Sinjavina [Diary of priest Leonid Sinyavin, missionary of Sen Kelsky stan of Chukchi mission] // Pravoslavnyj Blagovestnik. – 1913b. – № 11–12. – P. 329–343. (in Russian)
- Jukagiry. Istoriko-ètnografičeskij očerk [Yukaghirs. Historic-ethnographic essays]. Ed. A. P. Okladnikov. – Novosibirsk: Nauka, 1975. (in Russian)
- Vahtin N. B., Golovko E. V., Švajtcer P.** Russkie starožily Sibiri. Social'nye i simboličeskie aspekty samosoznanija [Russian Old Settlers of Siberia. Social and symbolic aspects of self-identification]. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. (in Russian)

Pupynina Maria Yuryevna, Candidate of philol. studies, Researcher.

Institute of Linguistic Research RAS.

Tuchkov per., 9, Sankt-Peterberg, Russia, 199053.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovski per., 1. str. 1., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: pupynina@gmail.com

Koryakov Yuri Borisovich, Candidate of philol. studies, Senior Researcher.

Institute of Linguistics RAS.

B. Kislovski per., 1. str. 1., Moscow, Russia, 125009.

E-mail: ybkoryakov@gmail.com